

Салес Виктор.

**Война 1870 года, или Тайны
наполеоновского
царствования**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор. С.**
Война 1870 года, или Тайны наполеоновского царствования / Салес Виктор. –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 418 с.

ISBN 978-5-519-84454-3

ISBN 978-5-519-84454-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Не безакойтесь, перебилъ его отрывисто маркизъ, и поднялъ ногу на ступеньку, ведущую въ сѣни.

— Вы навѣрное знаете, что онъ одинъ? спросилъ онъ, еще разъ оборачиваясь къ своему спутнику.

— Да, отвѣчалъ Лакуръ: — я самъ видѣлъ, какъ довелъ онъ жену свою до итальянскаго бульвара и простился съ нею у воротъ одного дома. Я слѣдовалъ за ними и ясно слышалъ, какъ онъ обѣщалъ придти за ней ровно въ десять часовъ вечера. Потомъ вернулся онъ сюда; я подождалъ, пока освѣтятся окна его, и поспѣшилъ извѣстить васъ, господинъ маркизъ. Окна его, — Лакуръ вышелъ на середину дороги и посмотрѣлъ въ третій этажъ — еще освѣщены, стало быть онъ дома. Теперь девять часовъ....

— Одинъ часъ, прошепталъ маркизъ, не слушая дальнѣйшихъ разсужденій Лакура: — этого времени будетъ мнѣ за глаза довольно.

Съ этими словами онъ вышелъ въ сѣни, въ серединѣ которыхъ находилась крутая, узкая лѣстница, слабо освѣщенная лампой.

Казалось, что старый маркизъ не привыкъ опускаться и подниматься по такимъ лѣстницамъ, потому, что взобравшись въ третій этажъ, онъ въ изнеможеніи оперся о стѣну.

Болѣе десяти минутъ простоялъ онъ такимъ образомъ, не сводя глазъ съ маленькой двери, единственной на всей площадкѣ.

Наконецъ онъ видимо отдохнулъ и успокоился. Онъ отогнулъ воротникъ отъ шубы и приподнялъ шляпу, наведенную до этого времени, на лобъ.

Черты лица его были жестки и суровы, на сколько можно было разглядѣть это при слабомъ свѣтѣ лампы; сѣдые волосы, закинутые назадъ, обрамляли высокій и

открытый лобъ. Надъ строгими, мрачными глазами находилась пара густыхъ, бѣлыхъ бровей; правильный съ горбомъ носъ, тонкія сжатія губы, выдающіяся скулы и острый подбородокъ, все это было признакомъ того, что сердце этого человѣка неспособно было разсмѣяться, что энергія, гордость и непреклонность были главными чертами его характера.

Маркизь, оставимъ за нимъ титулъ, которымъ пазывалъ его спутникъ, хотя въ то время, когда начинается разсказъ нашъ, не было никакихъ титуловъ во Франціи, маркизь приблизился къ долго наблюдаемой имъ двери и твердою рукою дернулъ за колокольчикъ.

Внутри послышались торопливые шаги и вслѣдъ за тѣмъ дверь быстро растворилась.

На порогѣ стоялъ молодой человѣкъ, не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду. Красивое лицо его съ темными, слегка выющимися волосами и черными блестящими глазами, располагало съ перваго взгляда въ свою пользу каждаго, встрѣчавшаго его. Одѣтъ онъ былъ въ широкую блузу, съ повязаннымъ на шеѣ шелковымъ платкомъ вмѣсто галстука.

Когда взгляды этихъ двухъ лицъ встрѣтились, юноша громко вскрикнулъ; вся кровь прилила къ мускуламъ его; онъ сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы обнять старика; но тотъ повелительнымъ жестомъ остановилъ его.

— Гражданинъ Карлъ Дюранъ, началъ маркизь мрачнымъ голосомъ: — я пришелъ переговорить съ вами.

Юноша почтительно поклонился и пропустилъ его въ отворенную дверь, которую тотчасъ же заперъ.

— Войдите, мой.... господинъ маркизь.

Твердыми шагами вступилъ маркизь въ квартиру молодого человѣка.

Это была уютная, удобно меблированная комната съ

топящимся каминомъ, распространившимъ пріятную теплоту, и висящей лампой надъ столомъ, заваленнымъ рисунками. Гдѣ не останавливался взглядъ, всюду видна была чистота и порядокъ; никакой роскоши, ничего излишняго, но все необходимое, ясно доказывавшее, что въ уголкѣ этомъ обитаютъ довольство и счастье.

Отворенная дверь вела въ сосѣднюю комнату.

Свѣтъ, падавшій отъ висящей лампы, позволялъ разглядѣть тамъ двѣ кровати и опредѣлялъ такимъ образомъ назначеніе этой комнаты.

Казалось, что маркизъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на всю эту обстановку. Положивъ шляпу на столъ, съ мрачнымъ видомъ опустился онъ въ кресло, которое предложилъ ему юноша.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ царствовало глубокое, тягостное молчаніе.

Подперевъ голову лѣвой рукой, маркизъ, казалось, соображалъ, какимъ образомъ начать ему разговоръ съ молодымъ человѣкомъ.

Этотъ послѣдній съ блѣднымъ взволнованнымъ лицомъ, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старика и опирался правой рукой о столъ, заваленный рисунками. По временамъ украдкой и безпокойно взглядывалъ онъ на посѣителя, который такъ сильно поразилъ его.

Маркизъ первый прервалъ молчаніе.

— Не знаю какимъ именемъ называть тебя, началъ онъ, стараясь придать своему голосу побольше твердости: — тѣмъ ли, подѣ которымъ нашелъ я тебя послѣ долгихъ розысковъ, или же тѣмъ, которое ты отвергнулъ въ припадкѣ безумія.

— Я предпочитаю послѣднее, продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы, видя, что молодой человѣкъ не отвѣча-

еть, — потому что съ работникомъ Карломъ Дюранъ не хочу ничего имѣть общаго.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, онъ уже открылъ ротъ, чтобы возразить, но преодолѣлъ себя и остановился:

— Анатоль, произнесъ маркизъ холоднымъ тономъ: — четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

— Да, четыре года, согласился съ нимъ юноша.

— Извѣстно ли тебѣ, что стало съ твоимъ старшимъ братомъ?

— Да, извѣстно.

— Онъ исполнилъ долгъ офицера и погибъ въ борьбѣ съ июньскими бунтовщиками 1848 года.

— Съ июньскими защитниками свободы, поправилъ его молодой человѣкъ тихимъ голосомъ.

— Съ бунтовщиками, я оставляю за ними это названіе! упорно повторилъ маркизъ. — Тебѣ, конечно, презрѣнные эти, цѣль которыхъ уничтоженіе всего сооруженнаго вѣками, кажутся они героями и мучениками. Ты самъ сражался за одно съ ними и кто можетъ поручиться, что пуля, умертвившая брата твоего, не была пущена самимъ тобою.

— Мой братъ, возразилъ юноша взволнованнымъ голосомъ: — убить былъ при Сент-Антуанъ, въ то время, какъ защищалъ я ворота Сент-Дени.

— Ну, въ такомъ случаѣ, благодари судьбу, которая не свела васъ вмѣстѣ. Но не объ томъ я пришелъ говорить съ тобой. Четыре года прошло съ того времени, какъ оставилъ ты домъ свой, такъ какъ я нашелъ, что убѣжденія твои неприличны твоему высокому званію.

Еслибъ ты былъ простымъ говоруномъ и мечтателемъ, какихъ цѣлыя тысячи, мы, можетъ быть, до сихъ поръ жили бы подъ одной кровлей. Но ты, развращенный дурнымъ

обществомъ и книгами, задумалъ осуществить мечты эти на дѣлѣ.

Съ помощью моего богатства хотѣлъ ты примѣнить твою утопію къ практикѣ. Ты позорилъ честное имя мое, женился на дочери простаго работника и желая ввести его въ общество достойныхъ, благородныхъ дамъ.

— Отецъ, началъ молодой человѣкъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и блестящими глазами — между ними не найдете вы ни одной честнѣе и благороднѣе той, которую я избралъ. Ни балдахинъ, ни корона и роскошь окружали колыбель ея, нѣтъ, она родилась въ хижинѣ бѣднаго работника, но судьба наградила ее всѣми достойными качествами, всѣми женскими прелестями, отъ которыхъ не въ состояніи отвернуться ни одинъ мужчина. Красота, чистота души и сердца, любовь, вѣрность — вотъ свойства, привлечшія меня къ ногамъ существа, затмѣвающего собой всѣхъ гордыхъ и холодныхъ женщинъ, о которыхъ вы только что упомянули...

Старикъ грозно нахмурилъ брови.

— Довольно проговорилъ онъ, видя, что молодой человѣкъ желаетъ продолжать воодушевленную рѣчь свою. — Я пришелъ не съ цѣлью слушать тебя, но для того, чтобы ты меня выслушалъ. Молодой человѣкъ замолчалъ, но боязнь и смущеніе, выразившіяся до сихъ поръ на лицѣ его, исчезли, лишь только заговорилъ онъ о любимой имъ женщинѣ. Смѣлъ даже и вызывающъ былъ взглядъ его, устремленный на старика, смотрѣвшаго на него съ мрачнымъ видомъ; онъ гордо поднялъ голову и казалось совершенно успокоился.

— Ты оставилъ домъ свой, продолжалъ маркизъ: — когда увидалъ, что никогда не найдешь во мнѣ сочувствія. Я тебя не удерживалъ, потому что предпочиталъ лучше остаться безъ сына, чѣмъ имѣть такого, который

дерзко разбилъ все то, что свято сохранялось въ продолженіи столѣтій нашей дворянской фамиліей.

— Къ тому же, продолжалъ онъ съ равнодушіемъ ясно доказывавшимъ безсердечность этого человѣка: — къ тому же у меня оставался Генрихъ, старшій братъ твой, быть недовольнымъ которымъ я не имѣлъ ни малѣйшей причины.

Анатоль, или Карлъ Дюранъ, бросилъ болѣзненный взглядъ на старика.

— Генрихъ умеръ, снова началъ маркизъ — мы единственные послѣдніе члены одной изъ самыхъ древнихъ и лучшихъ фамилій Франціи.

— Республика, тихо проговорилъ Анатоль: — не обращаетъ вниманія на древность имени.

— Республика! насмѣшливо повторилъ старикъ: — развѣ ты пророкъ и въ состояніи предсказать, какъ долго она продержится?

— Горе тѣмъ, горячо проговорилъ юноша, которые надѣются поднять на насъ оружіе.

— Какой же ты наивный мечтатель, проговорилъ маркизъ: — республика была ничто иное, какъ дурно скопированная монархія, президентъ вашъ — тотъ же король... Но довольно объ этомъ, поговоримъ объ томъ, что привело меня сюда. Послѣ смерти Генриха я вспомнилъ, что у меня есть еще сынъ, хотя и свернувшій съ прямого истиннаго пути своего. Я надѣялся, что ты наконецъ образумишься, что ты выслушаешь отца своего и что опытъ доказалъ тебѣ, какъ ложны были взгляды, которыхъ ты, Богъ вѣсть, гдѣ нахватался. Я сталъ наводить о тебѣ справки, не приносившія мнѣ долгое время никакихъ результатовъ. Я уже думалъ, что ты погибъ со своими утопіями, какъ Лакуръ принесъ мнѣ первыя извѣстія и сообщилъ, что послѣдній сынъ самой богатой

и благородной фамилии Франціи, ведетъ жизнь бѣднаго работника, или художника на бумажной фабрикѣ.

— Лакуръ обманулъ васъ, отецъ мой, возразилъ Анатолю, указывая на обстановку комнаты: — взгляните и вы убѣдитесь, что здѣсь видна только простота, но никакъ ужъ не бѣдность или нищета.

— Да, я вижу, отвѣчалъ маркизъ обидывая презрительнымъ взглядомъ комнату. — Ты живешь хуже моего дворника и почти съ такой же роскошью, какъ мой вучеръ. Достойное жилище для наслѣдника маркиза де-Моллюй.

Щеи Анатоля вспыхнули при этой насмѣлкѣ и рѣзкій отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ языка его. Но въ слѣдующую за тѣмъ минуту лице его озарилось улыбкой.

— Не для наслѣдника Моллюй, отецъ мой, проговорилъ онъ: — но для работника, Карла Дюрана, назначено это жилище, которое, не смотря на всю простоту свою и на недостатокъ того, безъ чего не могутъ обойтись богатые, кажется мнѣ маленькимъ раемъ, которымъ суждено наслаждаться только не многимъ избраннымъ.

Маркизъ пожалъ плечами.

— Такъ какъ мнѣ не хочется, чтобы со смертью моей прекратился родъ нашъ, началъ онъ: — то я и рѣшился сказать тебѣ послѣднія слова. Я готовъ забыть все, что произошло въ эти четыре года, если только ты вернешься въ домъ мой и сдѣлаешься тѣмъ, чѣмъ былъ прежде.

Маркизъ произнесъ слова эти не дружескимъ, ласковымъ голосомъ, но холоднымъ и отрывистымъ тономъ. На лицѣ его не виднѣлось желанія сойтись съ роднымъ сыномъ и простить заблужденія его.

Анатолю ясно понялъ мысль, руководившую отцемъ его, когда тотъ дѣлалъ ему свое предложеніе.

— Отецъ мой, проговорилъ онъ: — если Лакуръ со-

общать вамъ обо мнѣ подробныя свѣдѣнія, то вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что я вступилъ въ законный бракъ съ дочерью простолюдина.

— Не Маркизъ де-Моллю, отвѣчалъ старикъ сдвигнувъ брови: но работникъ Карлъ Дюранъ поступилъ такимъ образомъ.

— Различіе только въ имени, спокойно проговорилъ Анатоль: — личность одна и таже, стало быть, Жильберта, можетъ называться маркизою де-Моллю, такъ же какъ и господинъ Дюранъ.

— Ты никогда не осмѣлишься, грозно вскричалъ маркизъ: — назвать ее передъ обществомъ этимъ первымъ именемъ!

— Успокойтесь, отецъ мой, отвѣчалъ Анатоль, — удаляясь изъ вашего дома, я отказался навсегда отъ этого титула, а Жилберта, дорогая жена моя, слишкомъ горда, чтобы измѣнить имя „гражданки Дюранъ“ на какое нибудь званіе.

— Безумный, вскричалъ старикъ, убѣжденія твои стало быть по прежнему низки и тебѣ не надобно еще плавать въ этой грязи?

— Вы слишкомъ рѣзки; отецъ мой, спокойно возразилъ юноша: — что называете вы низкимъ во взглядахъ моихъ? Неужели сочувствіе мое тѣмъ, которые въ потѣ лица зарабатываютъ хлѣбъ свой? Или можетъ убѣжденіе мое, что только трудъ возвышаетъ человѣка? Да, я ненавижу богатыхъ тунеядцевъ, съ презрѣніемъ смотрящихъ на трудящійся людъ! Съ какой наглостью говоритъ каждый богатъ и обладатель замка: «я даю пропитаніе тысячамъ!» Онъ забываетъ, что тысячи эти бѣдствуютъ, въ то время какъ онъ роскошествуетъ, что они валяются на голой соломѣ, когда онъ покоится на подушкахъ, что они голодаютъ, когда онъ задаетъ блестящіе пиры, что они,

намученные тяжелымъ дневнымъ трудомъ, иѣшкомъ пластутся въ сырыхъ, душныхъ жилища свои, въ то время, какъ онъ катить въ раззолоченномъ экипажѣ.

— Ха! Ха! насмѣшливо проговорилъ маркизъ: — ты жслаешь поселить работниковъ во дворцахъ и хочешь, чтобы они въ каретахъ ѣздили на работу и возвращались съ нее.

— Я не настолькоъ глупъ, чтобы требовать чего либо подобнаго, возразилъ Анатоль. Я сознаю, что равное распредѣленіе богатства, въ настоящее время, вещь не возможная. Но я считаю возможнымъ, хотя нѣсколько обезпечить работника, чтобы онъ могъ образоватъ дѣтей своихъ и съ помощію развитія избавить ихъ отъ пороковъ и преступленій; возможно, даже должно, по моему, примѣнить къ практикѣ «равенство передъ закономъ», — дать работнику одинаковыя права со всѣми и взглянуть на него какъ на гражданина и члена общества. Устройте все это, отецъ мой, и работники не будутъ внушать вамъ ужаса. Только эгоизмъ богачей довелъ ихъ до паріевъ и дикихъ звѣрей, ежеминутно подкарауливающихъ и выжидающихъ добычу. Пулями отвѣчали вы въ іюнѣ 1848 года, когда народъ требовалъ у васъ хлѣба. Вы, какъ преступниковъ, разстрѣливали тѣхъ, на знамени которыхъ было написано: «жить, трудясь, или умереть, сражаясь.»

Святое одушевленіе выражалось въ глазахъ юноши во время его пылкой рѣчи, между тѣмъ, какъ взглядъ маркиза становился все строже и мрачнѣе.

— Я не перебивалъ тебя, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ: — чтобы знать, до какой степени могъ развратиться сынъ одной изъ благородныхъ фамилій Франціи.

— Хотите знать, какимъ образомъ дошелъ я до этого, какимъ образомъ развратился, какъ вы только что выразились? продолжалъ Анатоль. — Вы вѣроятно помните

старого Жака, спасаю жизнь отцу вашему. Не смотря на то, что онъ былъ республиканецъ, вы помѣстили его въ домъ свой и сдержали такимъ образомъ честное слово, данное дѣду моему. Въ вашемъ имѣніи, гдѣ я, по слабости здоровья, провелъ все дѣтство, познакомился я со старымъ Жакомъ. То, что говорилъ онъ, далеко несогласовалось съ ученіемъ іезуитовъ, которыхъ назначили вы мнѣ въ наставники. Онъ рассказывалъ мнѣ о воодушевленіи народа, стремившагося къ свободѣ, о великой республикѣ, о первомъ консулѣ, котораго онъ боготворилъ до того дня, какъ тотъ возложилъ на себя корону, потому что онъ могъ тогда только удивляться, но не любить его.

Онъ рассказывалъ мнѣ о преимуществахъ богатыхъ и знатныхъ, о произволѣ, съ какимъ давили они народъ и наказывали пыткой малѣйшій проблескъ въ немъ самостоятельности. Пылкія рѣчи старика волновали меня и заглушали высокопарныя тирады отца Бауера. Въ то время, какъ тотъ послѣдній училъ меня, что Богъ, которому мы молимся, есть Богъ мести, наказывающій огнемъ и мечемъ всѣхъ, кто думаетъ о немъ иначе — изъ книгъ, тайно получаемыхъ отъ старика Жака, узнавалъ я, что напротивъ это Богъ любви, — называющій всѣхъ людей дѣтьми своими и создавшій чудный свѣтъ этотъ не для однихъ только богатыхъ. Въ то время, какъ училъ онъ меня, что знатное происхожденіе даетъ человѣку преимущества надъ другими смертными, изъ книгъ старика узналъ я, что всѣ люди должны имѣть одинаковыя права. Я сочувствовалъ этому гораздо болѣе! Отецъ, Бауэръ представлялъ мнѣ народъ въ видѣ грубой, преступной массы, неспособной цивилизоваться, — изъ книгъ узналъ я, какъ народъ этотъ благороденъ, великодушенъ, безкорыстенъ во время борьбы за свое отечество. Такимъ образомъ росла во мнѣ любовь